

Оригинальная статья / Original article

УДК 39(=512.31)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-95-105>

Кузнечество в традиционной культуре бурят (конец XIX – начало XX в.)

© Н.Б. Дашиева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Образ и функции кузнеца в традиционной культуре бурят конца XIX – начала XX в. отражают процесс этнической и культурной истории народа. Дуальное противопоставление пантеона кузнечных божеств и кузнецов на «черных» и «белых» у ряда родо- и племенных сообществ бурят обусловлено противопоставлением двух разных технологий плавки железа. Такая традиция сложилась в Прибайкалье с середины XVII–XVIII в. в результате переселения с территории Западной Монголии родов, входящих в состав племени Булагат. Мигранты, владевшие технологией изготовления твердого, ковкого железа, объявляя своих богов-громовников и богов-кузнецов как добродетельных – белых, а свои роды как избранные ими наследственно заниматься кузнечеством, стремились занять господствующее положение над ранним населением Прибайкалья – эхиритами, хоринцами, монгольскими и тунгусскими родами – носителями технологии плохо поддающегося ковке мягкого железа. В ранней форме кузнечного культа бурят не было шамана. Кузнецы сами исполняли свои обряды. У эхиритов исторически не было понятия «кузнечная наследственность». От булагатов они приобрели «белую», а от монголов и тунгусов «черную» кузнечную наследственность. Обряды бурятских кузнецов отражают идею семантического «начала» – времени первопредметов, изготовленных из железа, а мастер отождествляется с богом-кузнецом.

Ключевые слова: буряты, кузнец, Прибайкалье, боги-громовники, обряд, булагаты, эхириты, хоринцы, эвенки, монголы, Алтай, Западная Монголия

Информация о статье: Дата поступления 1 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Дашиева Н.Б. Кузнечество в традиционной культуре бурят (конец XIX – начало XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 95–105. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-95-105

Dashieva N.B. The blacksmithing in the traditional culture of Buryats (late XIX – early XX century)

© Nadezhda B. Dashieva

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: The article reveals that the image and functions of a blacksmith in the traditional culture of Buryats in late XIX – early XX century reflected the process ethnic and cultural history of the Buryats. Dual opposition of a pantheon of “black” and “white” smithing deities and smiths by a number of clan and tribal societies of Buryats was due to opposition of two different iron smelting technologies. This tradition developed in the middle of the XVII – XVIII century as the result of resettlement from territories of western Mongolia of tribes which were part of a Bulagat tribe. Migrants who possessed the technology of producing solid wrought iron declared their blacksmithing deities as virtuous – white ones, and declared their tribes to be chosen by those deities to perform blacksmith's activities hereditary, those tribes tried to become dominant over early population of Cisbaikalia – Ekhirit, Khori, Mongol and Tungus (khamnigan) tribes – who possessed technology of poorly operable soft iron. The early form of blacksmith's cult of Buryats had no shaman. Blacksmiths performed their rituals by themselves. Historically, the Ekhirits didn't have such concept as «hereditary blacksmith». They adopted the concept of “white” hereditary blacksmith from Bulagats and “black” hereditary blacksmith from Mongols and Tungus. Rituals and ceremonies performed by Buryat black-

smiths symbolize the idea of semantic “beginning” – the time of first tools made of iron and when a master was equated with the blacksmith god.

Keywords: Buryats, blacksmith, Cisbaikalia, thunder deities, ritual, Bulagats, Ekhirits, Khoris, Evenks, Mongols, Altai, western Mongolia

Article info: Received February 1, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Dashieva N.B. The blacksmithing in the traditional culture of Buryats (late XIX – early XX century). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 95–105. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-95-105

У ряда родов бурят в конце XIX – начале XX в. ремесло кузнеца – дархана носило наследственный характер, обязывающий в каждом поколении заниматься им. В противном случае, полагали буряты, весь род лишится защиты избравших их божеств, а человека, отказавшегося продолжить ремесло предков, постигнет несчастье.

Существовавшее у значительной части бурят-шаманистов разделение пантеона по морально-этическим принципам как добродетельные – белые – западные и зловредные – черные – восточные, распространялось и на кузнецов. Исследователи констатируют отсутствие общего для бурят мифа о происхождении кузнечества и выявляют три группы сюжетов – кудинский, балаганский и баргузинский, обосновывающие такое разделение кузнецов. Деление кузнецов, существующее в скрытом виде, обнаруживается у тункинских и закаменских бурят, в то время как у хоринских и селенгинских его не было (Скрынникова, 1998. С. 166).

Специфика кузнечного культа агинских бурят Забайкалья, сближает его с традициями черного кузнечества и черного шаманства балаганских и унгинских бурят (Бадмаев, 1997. С. 103–104).

Этнографические материалы свидетельствуют об обусловленности понятия «кузнечная наследственность» культом кузнечных божеств, обозначенных в пантеоне племени Булагат как «белые – западные». По воззрениям кудинских булагатов «чтобы быть кузнецом, необходимо иметь *утха* – право от Белого кузнечного тэнгрия (*Дархан-Сагаан-тэнгэри*), без этого права быть кузнецом нельзя, а имея его, нельзя от него отказаться» (Михайлов, 1996. С. 71). В сюжете кузнечного мифа унгинских булагатов указывается, что по его велению

искусствоковки железа людям передал небесный кузнец Божинтой, спустившийся на землю «где-то на Алтае» (Хангалов, 1958. С. 291–293, 322–323).

Полагаем, что рассмотрение образа и функций кузнеца в традиционной культуре бурят позволит расширить источники для изучения этнической и культурной истории как отдельных родоплеменных групп, так и всего бурятского этноса.

Причина разделения небесных божеств-покровителей ремесла и самих кузнецов на две оппозиционные группы заложена в неоднородности бурят Прибайкалья по этническим и хозяйственно-культурным характеристикам. В исследуемый период Приангарье населяли булагатские роды, бежавшие из региона Западной Монголии от войн Халхасских ханов и Джунгарских князей середины XVII в., а Приленье, северное побережье Байкала и о. Ольхон, – эхириты, частично хоринские роды. Промежуточное положение между ними занимала Кудинская долина, где булагаты расселились среди эхиритов и монгольских родов-мигрантов (Балдаев, 2012, С. 326–327, 332, 333, 334, 335, 346–347 и др.).

По воззрениям эхиритов, тэнгрии спустили кузнеца Хожир-хана с семью его сыновьями для того, чтобы они обучили людей ремеслу по «черному металлу» (железу) и магическому излечению от 13-ти тяжелых заболеваний (Базаров, 2000. С. 38). Для эхиритских родов – это свои добродетельные божества, входящие в сонм западных – белых тэнгриев (Хангалов, 1958. С. 410–411). Ряд шаманских призываний эхиритов начинаются с обращения к семи небесным кузнецам – братьям Донжиевым, почитавшимся в образах духов-хозяев отдельных местностей в верховьях Лены, северного

побережья Байкала и острова Ольхон. Среди них особым почтением пользуются Тумэрши-нойон и Түдэгэшэ-хатан. Имя мужского божества представляет его как кузнеца, а женское имя происходит от общего названия изделий из железа. В пантеоне хоринцев и эхиритов Тумэрши-нойон входит в число «Тринадцати северных нойонов». Эхириты их культовыми местами называют Ленское нагорье, в Баргузине – местность Суво, в Монголии – долины р. Онон-Керулен-Аргуни и Хэнтэйские горы (Базаров, 2000. С. 139, 154). Им поклонялись шаманы Восточной и Северной Монголии (Ринчен, 1975).

Булагаты чужого для них бога-кузнеца соотнесли не только с монголами, но и с эвенками (хамниганами), местом его «проживания» указывали восточный берег р. Лены. Жертвы ему совершали в темную ночь черным бараном (Хангалов, 1958. С. 413–415, 453–454).

У бурят Прибайкалья кузнецы, при наличии в своей родословной шаманской наследственности, получали посвящение как шаман-кузнец. При этом черный шаман обязан был обладать кузнечной наследственностью от Дархан-Сагаан-тэнгри и от Донжиевых семи божественных кузнецов (Михайлов, 1996. С. 18, 68–69). Следовательно, шаман-кузнец булагатов имел: а) свою «белую» и б) чужую тунгусско-монгольскую «черную» кузнечную наследственность. Шаман-кузнец эхиритов должен был иметь: а) чужую – тунгусско-монгольскую «черную» и б) чужую-булагатскую «белую» кузнечную наследственность. Таким образом, исторически у эхиритов не было понятия «кузнечная наследственность». Эхиритский шаман приобретал жреческие функции кузнеца от этнически чужих для него булагатских и тунгусско-монгольских кузнечных божеств. Это положение согласуется с утверждением современного шамана-кузнеца Б. Базарова, что у племени Эхирит наследственность черных кузнецов называется «монгольское черное кузнечное наследие», а наследственность белых кузнецов возводится к «Божинтоевых девяти» божеств «западной стороны» (Базаров, 2000. С. 136).

Для эхиритов исторически кузнец был только мастером, им мог стать любой человек, обнаруживающий в себе способность и призвание к ремеслу.

Так, в начале XX в., житель с. Алагуй, названный как «старик Манилша», сообщил Ц. Жамцарано, что у эхиритов «нет... никакого потомственного мастера, а есть перенявшие его со стороны» (Жамцарано, 2001. С. 91). Согласно сведениям В.А. Михайлова, «...кто желает быть кузнецом без этого права, то он брызгает черным кузнечным божествам и может заняться кузнечным ремеслом» (Михайлов, 1996. С. 71).

Требование для белого кузнеца наследственности, восходящей к мифологическим белым небесным божествам, сопровождалось исполнением обязательных для их культа сложных ритуалов с кровавыми жертвоприношениями домашних животных и напитков из коровьего молока. Если кузнецы белого корня во избежание ритуального осквернения самой кузни и инструментов строго соблюдали табу на посещение ее женщинами, не пускали туда собак, не ковали в течение трех дней после смерти сородича, то у кузнецов, не имеющих наследственности, нет обычая её сакрализации, кузница это только мастерская. Про таких кузнецов говорят «собачьи кузнецы» (*нохое дархад*) (Там же), что указывает на монгольские и хоринские традиции. Собаку в качестве своего тотема почитали хоринские роды Галзут и Шарайт, проживавшие среди эхиритов на Лене и о. Ольхон (Цыдендамбаев, 2001. С. 165).

Основателями традиции деления шаманского пантеона бурят Прибайкалья на черных и белых божеств и духов были булагаты. Свою задачу мигранты видели в борьбе с традициями прямо или потенциально враждебных для них иных по происхождению этнических групп, утверждении превосходства своей культуры над культурой ранних насельников Прибайкалья. Стремление пришельцев занять господствующее положение в регионе, является из мифа кудинских булагатов. По его сюжету бог-кузнец раннего населения выступает как носитель устаревшей технологии изготовления мягкого, плохо поддающегося ковке железа. Бог-кузнец булагатов представлен как обладатель новой технологии, его железо, получаемое путем использования при плавке руды флюсов в виде гор-

ного песка или щебня, наделяется особой ковкостью (Хангалов, 1958. С. 291–292).

Историческая основа мифа булагатов исходит из указания места «спуска с неба» белых кузнецов – сыновей Божинтоя, как «Хухойский хребет где-то на Алтае». Еще в раннем средневековье, южные склоны Алтая, населенные тюрками были центром железоплавильного производства в регионе. Сменившие их в регионе кыргызы, производившие железо высокого качества, при плавке в качестве флюсов использовали обломки камней (Киселев, 1996. С. 275)¹.

Булагатами к «черным» были отнесены боги-кузнецы с фонетически однотипными именами как «семеро Донжиевых» и «семеро Хожироевых», видимые на ночном небе в образе созвездия Большой Медведицы (Бурятские народные сказки, 1973. С. 280). Соответственно и кузнецы, имеющие монгольские, хоринские и тунгусские этно- и культурные истоки, в суточном цикле соотносились с периодом ночи. Чужие для булагатов кузнечные божества локализовались на востоке Прибайкалья. Сложившийся на этой территории тип хозяйства, сочетавший таежную охоту с табунным коневодством, иллюстрируют петроглифы Лены, относящиеся к курыканскому периоду края (Окладников, 1976. С. 23–24).

Модель разделения пантеона по принципу отличия хозяйственно-культурных типов, со всей очевидностью проявляется и у двух территориальных групп племени Булагат. В истоке культа западных – белых божеств в пантеоне булагатов левобережья Ангары, хозяйство которых характеризуется как скотоводческо-земледельческое, лежит культ Хормуста-тэнгэри. В пантеоне балаганских булагатов он возглавляет 55 добрых западных божеств, повелитель теплых дождей и кузнечного ремесла (Жуковская, 1992. С. 596). Образ божества восходит к

древнеиранскому богу Ахура-Мазда, имя которого в зороастрийском и ахеменидском пантеоне происходит от сакского *uṣtajsde* – Солнце. В Древнем Иране служители культа Ахура-Мазды носили белые одеяния, обряды светлым божествам проводили днем в течение лета, когда в мире господствовали благие силы. Для обеспечения устойчивости миропорядка в космосе и социуме в жертву ему приносили быка и совершали кропления из смеси сока растения хаомы с молоком (Бойс, 1987. С. 10–21, 43).

Параллели указанным правилам представлены в традициях нукутско-унгинских и балаганских булагатов, у которых в обрядах, посвященных западным – белым божествам, возглавляемым Хормуста-тэнгэри, ритуальной пищей служили напитки и продукты, изготовленные из коровьего молока. Служители культа западных божеств – белые шаманы носили белые одежды, ездили на конях белой масти, обряды проводили в светлый период суток в течение лета (Хангалов, 1959. С. 153). По мифам приольхонских эхирито, Буха-нойон («Бык-господин») – тотемный предок племени Булагат – сын Хормусты (Жамцарано, 2001. С. 115).

Пантеон западных – белых божеств булагатов долины правого притока Ангары – р. Куды, близко соседствующих с эхиритскими и монгольскими родами, возглавляет Заяан Сагаан тэнгэри, культ которого связан с табунным коневодством. В эпоху Чингис-хана посвященные ему обряды соотносились с древними родовыми обрядами «Великого возлияния кобыльего молока», а сам праздник приобрел статус государственного (Галданова, 1995. С. 97, 99).

Кроме бурят Прибайкалья модель дифференциации шаманского пантеона и его служителей на «белых» и «черных» по принципу этнических и хозяйственно-культурных различий можно видеть у якутов.

В сказаниях якутов ранний насельник края – один из отцов-основателей народа бурят Омогой (Омогой), не знает солнечной религии «айыы», кумысного праздника, культа божества-покровителей коней. Другой предок – тюрк Эллей, прибывший на Среднюю Лену позже Омогоя, первым устроил

¹ Киселев С.В. Енисейские кыргызы (хакасы) // Кыргыз: Источники, история, этнография. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции. Бишкек. 1996. С. 259–327.

Kiselev S.V. The Yenisei Kyrgyz (Khakas) people // Kyrgyz people: Origin, history, ethnography. Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expedition. Bishkek, 1996, pp. 259–327.

летний праздник Ысыах с кроплением кумыса белому божееству Айы-тойону (Серошевский, 1993. С. 179; Ушницкий, 2013. С. 378–379). Белые шаманы якутов в белых одеждах кропление высшему божееству пантеона совершают на восходе Солнца. На первом ысыахе первую чашу кумыса Эллей жертвует божееству-создателю и подателю конного скота Джесегей-айыыта, который показывается среди облаков в образе белого жеребца (Эргис, 1974. С. 157–158; Окладников, 1976. С. 235; Романова, 1994. С. 69–70).

В пантеоне якутов противоположную Айы-тойону позицию занимает Улу-тойон, глава злых божееств и покровитель черных шаманов. По поверьям якутов, – это грозное божеество иногда показывался людям в облике могучего черного медведя или лося, черного быка или жеребца. Ему устраивают кровавые жертвы скотом (Алексеев, 1992. С. 546).

Потомки Омогоя, в отличие от потомков Эллей, не имели права устраивать праздники Ысыах с кроплением кумыса светлым небесным божеествам (Алексеев, 1975. С. 78–79).

Взаимодействие на Лене двух этнических групп с разными хозяйственно-культурными типами иллюстрируют результаты лингвистических изысканий. Вся терминология якутов, связанная с рогатым скотом, имеет монгольское происхождение, а вся коневодческая – тюркское (Антонов, 1971. С. 136).

В свете мифологических воззрений бурят о том, что металл соединяет сферу небесного и хтонического, возникает сложный аспект, касающийся жреческих функций кузнеца. Сакральное пространство наследственного мастера – это его кузница. По поверьям бурят, в отсутствии кузнеца сам дух кузницы работает в ней, поэтому вокруг строения летят искры от раскаленного железа как во время егоковки, а по ночам слышен стук ударов молота по наковальне (Михайлов, 1996. С. 69; Хангалов, 1958. С. 395–396; Абаева, 1988. С. 128). Именно поэтому булагатские кузнецы в целях защиты от осквернения своего пространства, находящегося на границе двух миров, не допускали в кузницу представителей чужих родов и женщин.

Профессиональные инструменты кузнеца после их изготовления всегда освящались, вследствие чего они приобретали своего духа-хозяина (*онгона*). Среди них особое положение занимает большой молот (*балта*), передаваемый из поколения в поколение. Выступая в качестве предметной метафоры жреческих функций кузнеца, связующих разные уровни космогонии, наследственные молоты воспринимались как вместилище той сверхъестественной силы, которую кузнец получал от легендарных и реальных предков, и всегда хранились в семейной кузнице.

Семантический центр кузницы горн – зона небесных покровителей мастера, а наковальня – алтарь. Буряты полагали, что металлу, раскаленному в огне горна и затем обработанному на наковальне молотом, самым непосредственным образом передавались защитные свойства огня. По их поверьям, сила огня горна настолько велика, что в него не могут проникнуть даже другие божеества (Михайлов, 1996. С. 69). Все изложенное относится к традициям белых кузнецов, в то время как у черных кузнецов нет обычая сакрализации кузницы, это только мастерская.

Ключом к пониманию жреческих функций кузнеца и отправляемых им обрядов является первоначальное единство производственных и культовых аспектов кузнечества, находящийся в состоянии непрерывной взаимозависимости. К данному положению лучше всего подходит характеристика обряда и трудового действия, сформулированная Р.В. Шмидтом: «В представлении людей выполнение обряда есть необходимое условие успешной работы» (Шмидт, 1931. С. 1). Иллюстрацией данного положения выступает семейный обряд белого кузнеца из рода с красноречивым названием Булут (Сталь), проживавшего компактной группой среди булагатов левобережья Ангары.

Согласно сведениям Г.Д. Санжеева, относящимся к 1926 г., булутский кузнец приглашал шамана, хорошо знающего правила обряда. Все предметы в кузне обвязывали белыми лентами; кузнец раздувал в горне огонь мехом из шкуры быка, раскалял докрасна железо и после садился со своей семьей у горна, обратившись лицом на юг.

Шаман, окропляя водкой все вокруг, пением призывал духов-хозяев кузницы, кузнечных инструментов (*эжинов*) и духов-покровителей кузнеца (*заянов*), от которых он вел свое происхождение по прямой мужской восходящей линии. Призываемых просили оберегать кузнеца и его семью от козней злых духов, помогать в работе. Затем кузнец вынимал раскаленное в огне горна железо и, изображая собою духа – хозяина горна, поучал его кузнечному мастерству (разговаривал сам с собою). В ходе церемонии изготавливались нужные в хозяйстве вещи. Автор подчеркивает со слов информанта, что «только из ритуально подготовленного железа можно было что-либо изготавливать, ибо никакое другое железо для этого не годилось» (Санжеев, 1980. С. 104–105).

Булутцы проводили и другой обряд: кузнец раздувал в горне огонь и раскалял докрасна железо. Затем стучал по железу молотком, вытягивая его в полосу (Там же. С. 103–104). Такой обряд устраивали и балаганские булагаты (Хангалов, 1958. С. 513–514). Относительно обряда баргузинских кузнецов Б. Базаров пишет: «Тут нужно постучать кувалдой-молотом, т. е. кузнечными инструментами-онгонами» (Базаров, 2000. С. 41).

Описания обрядов у разных групп бурятских кузнецов отражают три этапа исторически последовательной трансформации воззрений о профессиональной деятельности кузнеца и его личности. На первом этапе реальная производственная деятельность воспринималась как сакральное действие, а мастер по своим функциям отождествлялся с богом-кузнецом. На втором кузнец воспроизводит все операцииковки железа, но не создает конкретные вещи. На третьем – обряд представляет собой лишь символическое выражение идеи производства железа.

Мифологическая семантика производственного процесса выявляется из описания обряда поколения Хонгортон в составе эхиритского рода Хузуухан Абзай, проживающего в Селенгинском районе Бурятии (Абаева, 1988. С. 76–102).

По преданию основателем данного поколения является прославленный в местности Харгана кузнец Хонгор. Его отец Сахилгаан прибыл в эти края

из-за Байкала. По рассказам информантов, «ночью в кузнице Хонгора часто слышали звон и стук молота. Предполагалось, что это небесные старики-кузнецы помогают ему в работе». Обряд, который ежегодно устраивали мужчины этого поколения, назывался «Поклонение кузне» (*Хяһа тахилга*). Вел его приглашенный буддийский священнослужитель – лама, но сам обряд проходил как шаманский.

Действо совершалось в кузнице. Мужчины становились вокруг горна, где лежало раскаленное железо, здесь же расставляли тарелки с жертвенной едой. Лама начинал читать молитвы на тибетском языке, а мужчины тем временем брызгали водкой в огонь горна. Затем раскаленное в нем железо клали на наковальню, и били по нему молотом так, чтобы от каждого удара во все стороны летели искры. При этом все присутствующие выкрикивали свои имена (Там же. С. 128).

Обряд представляет собой инсценировку мифа о первокузнецах. Имя семейно-родового предка напрямую возводит его образ к богу-громовнику Сахилгаан-Сагаан-тэнгэри («Молниевый-Белый-тэнгэри»). Баргузинские эхириты представляли, что это покровитель всех монгол-бурят, всех хоритумэт. В его введении находятся 77 небесных кузнецов «монгол дарханов» (Базаров, 2000. С. 116, 139). В этом же семантическом ряду находится и геноним Хонгор – «Светлый».

Искры, рассыпавшиеся при ковке железа, семантически приравниваются молнии – оружию бога-громовника, которым он мгновенно устраняет вредоносное воздействие злых духов. В обряде его функции выполняет кузнец, ударяя молотом по раскаленному железу в момент, когда выкрикиваются имена присутствующих людей.

Присущий многим группам бурят религиозный синкретизм, совмещающий древние шаманские традиции с буддизмом, находит отражение в обрядах белых кузнецов у ряда групп западных бурят, а также тункинских и закаменских, которые проводили моления, посвященные покровителю кузнецов Дамжин сахиусану 9, либо 19, либо 29 числа каждого месяца. Обряд мог совершать как сам кузнец, так белый шаман или буддийский священно-

служитель – лама. Само действие не отличалось от описанных шаманских традиций: на наковальню брызгали масло, на меха лили водку.

По этим же числам проводили обряд освящения кузнечных инструментов. Жертвоприношение совершалось молочной «белой» пищей, только изредка бараном, но обязательно белой масти. Покровителю кузнецов в качестве бескровной жертвы посвящали козла желтоватой масти. Из бересты вырезали изображение Солнца и Луны. Их прикрепляли, соответственно, спереди на лбу и сзади за рогами козла (Галданова, 1987. С. 89–90).

Козел желтоватой масти как животное предпочтительное для посвящения божествам-покровителям кузнецов имеет истоком образы ведийской и индуистской мифологии. Это Аджа Экапад («одноногий козел»), связанный с молнией, с богом огня Агни, солнцем и с богом грома Индрой (Топоров, 1991. С. 44). Знаки Солнца и Луны свидетельствуют о космогонических функциях обряда.

Структурирование времени по трем декадам лунного месяца (9, 19, 29 числа) отражает представления людей о цикличности жизни и мира, идеи о рождении, развитии и исчезновении времени, в визуализированном виде соотношенного с периодом рождения и роста, достижения полноты и истощения лунного диска до полного его исчезновения (Дашиева, 2015. С. 25–26). В мифологических воззрениях бурят двое суток невидимости Луны, наступающие в конце синодического месяца, воспринимались как время распада мирового порядка, когда властвуют силы зла и хаоса, представленные в бурятском шаманизме в образах черных божеств и духов. Именно поэтому балаганские булагаты в темную безлунную ночь совершали жертвоприношение черным бараном чужому для них покровителю – Тумэрши-нойону, – как и всем другим восточным божествам.

Обряд предстает как сложное многоуровневое действие, структурно состоящее из ритуального кропления вином и молочной водкой в юрте; жертвенного кропления во дворе под открытым небом; жертвоприношения животного под открытым небом. Для обряда «приготавливают небольшую наковальню и обыкновенный молоток; наковальню и

молоток дают одному человеку из посторонних, который по выходе на улице, когда придут на место жертвоприношения, обыкновенно садится немного правее *тургэ*; впереди себя он ставит наковальню, а в руке держит молоток, которым и бьет по наковальне во все время жертвоприношения; этому человеку дают еще в посуде вино или тарасун и чашку, в промежутках он выпивает и продолжает бить по наковальне. Этот человек носит название Бажир-Хара-нойон или же иногда называют его Балташи Бажир-Хара-нойон» (Хангалов, 1958. С. 538–539) т. е. «Молотобоец Бажир-Черный-нойон».

Тургэ – линия, выстроенная его участниками, сидевшими в один ряд под открытым небом лицом на юг, ориентировано с запада на восток, строго придерживаясь генеалогического старшинства, делила обрядовую площадку на две части – южную и северную. Южная часть символизировала собой семантический «верх-перед», а северная – «низ-зад» вертикальной и горизонтальной структуры картины мира бурят. В этой картине старшие члены рода, располагавшиеся на правом краю линии-*тургэ*, выступали как связующее звено во временной протяженности наследования кузнечного дара, полученного предками от бога-кузнеца Тумэрши-нойона.

Место нахождения человека, воплощающего собой образ духа-хозяина главного инструмента кузнеца – молота, правее от начала линии-*тургэ*, пространственно ориентированной справа-налево по принципу генеалогического старшинства мужчин рода, символизирует его нахождение в верхнем мире бурятской космогонии, а в социуме – в истоке рода.

В обряде балаганских булагатов, как и во всех вышеописанных, центральным является ритуал битья молотом по наковальне, представляющий собой символический актковки железа, связанный с парадигмой «начала». В таком контексте ритуал осмысливается как возвращение к кузнечным истокам рода, началу наследственности, дарованной первопредками, которая никогда и никуда не исчезает, а продолжается из поколения в поколение.

В свете воззрений бурят о наследовании кузнечного дара от мифологических кузнецов, семантика ритуального битья молотом по наковальне человека из чужого рода означает приобретение балаганскими булагатами черного кузнечного наследия от чужого для них бога-кузнеца Тумэршинойона.

Обряды бурятских кузнецов отражают идею семантического «начала» – времени первокузнецов, первоинструментов и первопредметов, изготовленных из железа. По этим своим функциям они сопоставимы со значением новогоднего обряда средневековых монголов. ... «у рода Чингис-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом Нового года, готовить кузнечные меха, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив его на наковальню, бьют молотом и вытягивают в полосу в благодарность за свое освобождение» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 183).

Генеалогическое предание монголов сообщает, что их первоначальная родина находится в горно-таежной местности с названием Эргунэ-кун. Когда же горная долина перестала вмещать в себя увеличившееся количество людей, то они по совету одного кузнеца, раздув огонь мехами из бычьих шкур, расплавили горный склон и вышли на просторы степей. В предании о великом хане монголов говорится, что он родился, проломив железную колыбель (Там же. С. 184).

В мировоззрении средневековых монголов мифологема «железная колыбель» контаминирует с представлениями о легендарной прародине, расположенной в теснинах железорудных гор, а обрядовый акт плавки железа – моделирование исхода, находится в семантическом единстве с понятием «рождение». Генеалогическое предание напрямую обуславливает исторический процесс выхода предков монголов в степи междуречья Онона-Керулена и Толы, переход от охотничье-промыслового типа хозяйства в условиях горно-таежного ландшафта к кочевому типу хозяйства с процессом освоения производства железа. По всей вероятности, в память об этом событии в монгольском обществе кузнец приобрел статус жреца.

В заключение отметим, что в исследовании подтверждается справедливость тезиса о вхождении позднейших ремесел на начальных этапах своего развития «в иную систему, связывающуюся, прежде всего, с сакральными представлениями и были соотнесены с общей космологической схемой» (Иванов, Топоров, 1974. С. 87). Эти схемы, выявляемые в практике ритуальной коммуникации и мифах, представляют собой самые общие рамки архетипов традиционной картины мира бурят, в которые входят отношения к кузнецу как внутри социума людей, так и мира божеств и духов.

Деление шаманского пантеона бурят на «черных» и «белых» божеств и духов, среди которых высшее положение занимали боги-громовники и боги-кузнецы, было обусловлено противопоставлением двух разных хозяйственно-культурных типов, исторически сложившихся в Предбайкалье в силу разности экологических характеристик восточной и западной части его территории. Дифференциация шаманского пантеона бурят Предбайкалья соответствовала формуле «черные – охотничье-промысловый, сочетавшийся с кочевым коневодческим типом хозяйства и культуры», а «белые – скотоводческо-земледельческий тип хозяйства и культуры». Исторически такой процесс сложился в Прибайкалье в результате миграции родов, входящих в состав племени Булагат в середине XVII–XVIII вв. с территории Западной Монголии.

Мигранты, объявляя своих богов как добродетельных – белых, а свои роды как избранные ими наследственно заниматься кузнечеством, стремились занять господствующее положение над ранним населением Прибайкалья – эхиритами, хоринцами, монгольскими и тунгусскими родами.

В ранней форме кузнечного культа бурят не было шамана. В результате культурного взаимодействия и экзогамных браков кузнецы булагатов приобретают «черную» кузнечную наследственность и жреческие функции «черного» шамана. Исторически у эхиритов не было понятия «кузнечная наследственность», ремеслом мог заниматься любой человек. От булагатов они приобретают «белую» кузнечную наследственность, а «черную» возводят к монголам и тунгусам.

Обряды бурятских кузнецов, независимо от их дифференциации на черных и белых, восходят к единому архетипу, отражающему идею семантического «начала» – времени первокузнецов, перво-

инструментов и первопредметов, изготовленных из железа, а мастер отождествляется с богом-кузнецом.

Библиографический список

Абаева Л.Л. Ареальная характеристика кузнечного культа в традиционной обрядности бурят // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1988. С. 76–102.

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в конце XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 200 с.

Алексеев Н.А. Якутская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 682.

Антонов А.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 175 с.

Бадмаев А.А. Кузнечный культ агинских бурят // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 102–105.

Базаров Б.Д. Таинства и практика бурятского шаманства. Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2000. 280 с.

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Изд. 2-е, испр. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 709 с.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 361 с.

Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1973. 458 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.

Галданова Г.Р. Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монгольских обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 94–107.

Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. Опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. 2-е изд. испр. и доп. М.: Наука – Восточная литература, 2015. 239 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

Жуковская Н.Л. Хормуста // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 596.

References

Abaeva L.L. 1988. The areal characteristic of the blacksmith cult in the traditional ritualism of the Buryats. *Kulturno-bitovije tradicii buryat i mongolov* [Cultural and daily life traditions of the Buryats and Mongols]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. Pp. 76–102. (In Russ.)

Alekseev N.A. 1975. Traditional religious beliefs of Yakuts during the late nineteenth and early twentieth centuries. Novosibirsk: Nauka Publ. 200 p. (In Russ.)

Alekseev N.A. 1992. The Yakut mythology. *Mifi narodov mira: enciklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. 682 p. (In Russ.)

Antonov A.K. 1971. Materials on historical lexicon of Yakut language. Yakutsk: Yakutknigoizdat Publ. 175 p. (In Russ.)

Badmaev A.A. 1997. The blacksmith cult of Aginsky Buryats. *Narodi Sibiri: istoriya i kultura* [The peoples of Siberia: history and culture]. Novosibirsk: Science Publ. Pp. 102–105. (In Russ.)

Bazarov B.D. 2000. Sacraments and practice of Buryat shamanism. Ulan-Ude: BuryadUnen Publ. 280 p. (In Russ.)

Baldaev S.P. 2012. Bloodline tales and legends of Buryats. Ulan-Ude: Buryat State University Publ. 709 p. (In Russ.)

Boys M. 1987. Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices Routledge and Kegan Paul. Moscow: Science Publ. 361 p. (In Russ.)

1973. Buryat folk tales. Ulan-Ude: Buryatskoe kniznoe izdatelstvo Publ. 458 p. (In Russ.)

Galdanova G.R. 1987. Pre-lamaism believes of the Buryats. Novosibirsk: Science Publ. 115 p. (In Russ.)

Galdanova G.R. 1995. The evolution of beliefs about Tengri (on the texts of Mongolian books of rituals). *Srednevekovaya kultura Central'noy Azii: pis'mennie istochniki* [Medieval culture of Central Asia: written sources]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. Pp. 94–107. (In Russ.)

Dashieva N.B. 2015. A calendar in the traditional culture of the Buryats. Experience of history-ethnographic and cultural-genetic research. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura Publ. 239 p. (In Russ.)

Zhamcarano Ts. 2001. Travel diaries of 1903–1907 years. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 382 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N.L. 1992. Hormusta. *Mifi narodov mira: enciklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ., 596 p. (In Russ.)

- Иванов В.В., Топоров В.Н. Проблема функций кузнецов в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1(5). Тарту, 1974. С. 87–90.
- Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 112 с.
- Окладников А.П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены / История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. С. 22–33.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 212 с.
- Ринчен Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманизме // В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 188–195.
- Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах. Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1994. 160 с.
- Санжеев Г.Д. Тайлган бурятских кузнецов // Быт бурят в прошлом и настоящем. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1980. С. 100–120.
- Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М.: Рос. полит. энцикл., 1993. 776 с.
- Скринникова Т.Д. Этнодифференцирующие особенности кузнечного культа у бурят // Цыбиковские чтения – 7. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 144–146.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. Т. I. 551 с.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. Т. II. 443 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. 256 с.
- Шмидт Р.В. Металлическое производство в мифе и религии античной Греции // Известия государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. 9, вып. 8–10. С. 1–81.
- Топоров В.Н. Аджа Экапад // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 44.
- Ушницкий В.В. Исторический фольклор // Якуты (Саха). М.: Наука, 2013. С. 377–383.
- Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. 1974. Issue of functions of blacksmiths in light of the semiotic typology of cultures. *Materiali Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnim modeliruyushim sistemam* [Materials of All-Soviet Union symposium on secondary simulation systems, 1(5)]. Tartu. Pp. 87–90. (In Russ.)
- Mikhailov V.A. 1996. Religious mythology] Ulan-Ude: Soel Publ. 112 p. (In Russ.)
- Okladnikov A.P. 1976. Ancient Turkic culture in upper reaches of the Lena River. *Istoriya i kul'tura Buryatii* [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. Pp. 22–33. (In Russ.)
- Rashid-ad-din. 1952. Collection of chronicles. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publishing house. Vol. 1. Book 1. 212 p. (In Russ.)
- Rinchen B. 1975. The cult of historical figures in Mongolian shamanism. *Sibir', Central'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka* [Siberia, Central and Eastern Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Science Publ. Pp. 188–195. (In Russ.)
- Romanova E.N. 1994. Yhyakh holiday. Origin and representation. Novosibirsk: Nauka Publ. 160 p. (In Russ.)
- Sanjeev G.D. 1980. The Tailgan of Buryat blacksmiths. *Buryati v proshlom i nastoyashem* [Daily life of the Buryats in the past and in the present]. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR Publ. Pp. 100–120. (In Russ.)
- Seroshevskiy V.L. 1993. The Yakuts: experience of an ethnographic research. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya Publ. 776 p. (In Russ.)
- Skrinnikova T.D. 1998. Ethnic-differential features of the blacksmith cult of the Buryats. *Tsibikovskie chteniya – 7* [Tsybikov's readings – 7]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. Pp. 144–146. (In Russ.)
- Khangelov M.N. 1958. Collection of writings. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. Vol. I. 551 p. (In Russ.)
- Khangelov M.N. 1959. Collection of writings. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. Vol. II. 443 p. (In Russ.)
- Tsidendambaev Ts.B. 2001. Buryat historical chronicles and bloodlines. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ. 256 p. (In Russ.)
- Shmidt R.V. 1931. Metal production in myth and religion of ancient Greece. *Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'turi* [News of the State Academy of the History of Material Culture]. Vol. 9. Iss. 8–10. Pp. 1–81. (In Russ.)
- Toporov V.N. Adzha Ekpad. 1991. Myths of the peoples of the world: encyclopedia. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. P. 44. (In Russ.)
- Ushnitsky V.V. 2013. Historical folklore. Yakuts (Sakha). Moscow: Nauka Publ. Pp. 377–383. (In Russ.)
- Ergis G.U. 1974. Literary sketches on Yakut folklore. Moscow: Nauka Publ. 402 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Дашиева Надежда Базаржаповна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая научно-исследовательской лабораторией истории и теории культуры,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1,
e-mail: dashieva-n@jandex.ru

Критерии авторства

Н.Б. Дашиева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Nadezhda B. Dashieva,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Research Laboratory of History and Theory of Culture,
East-Siberian State Institute of Culture,
1 Tereshkovo Str., Ulan-Ude 670031, Russian Federation,
e-mail: dashieva-n@yandex.ru

Attribution criteria

Dashieva N.B. carried out research work, summarized obtained data and prepared the manuscript for printing, has an author's right to the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.